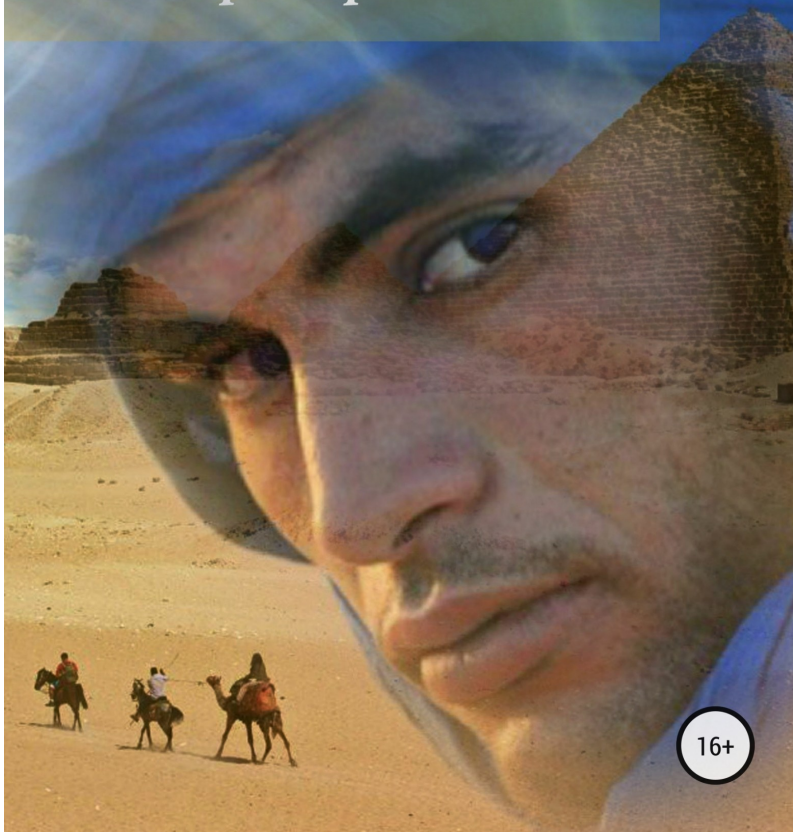

*Диана Кораблева
Секрет для двоих:
путешествие короны
Императора.*

Диана Анатольевна Кораблева

Секрет для двоих: путешествие короны Императора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34743050

SelfPub; 2018

Аннотация

Рано потеряв родителей, египтолог Изабель МакНил полностью посвятила свою жизнь работе и поискам пропавших артефактов. Всё изменилось после встречи девушки с известным писателем. Теперь по её следу, ведущему в Северную Африку, идут нацисты из тайного ордена и Британская разведка. В золотых песках Сахары, она найдет нечто более ценное, чем древние сокровища – свою любовь.

Рано потеряв родителей, египтолог Изабель МакНил полностью посвятила свою жизнь работе и поискам пропавших артефактов. Всё изменилось после встречи девушки с известным писателем. Теперь по её следу, ведущему в Северную Африку, идут нацисты из тайного ордена и Британская разведка. В золотых песках Сахары, она найдет нечто более ценное, чем древние сокровища – свою любовь.

В оформлении обложки использована фотография с <https://tepler.ru/egypt/giza/piramida-heopsa.html>

Кораблева Диана Секрет для двоих: путешествие короны Императора.

Я не по звездам о судьбе гадаю,

И астрономия не скажет мне,

Какие звезды в небе к урожаю,

К чуме, пожару, голоду, войне.

Не знаю я, ненастье иль погоду

Сулит зимой и летом календарь,

И не могу судить по небосводу,

Какой счастливей будет государь.
Но вижу я в твоих глазах предвестье,

По неизменным звездам узнаю,

Что правда с красотой пребудут вместе,

Когда продлишь в потомках жизнь свою.
А если нет – под гробовой плитой

Исчезнет правда вместе с красотой.
Уильям Шекспир.

Начиная работу над этой книгой, я долго думала, что можно выдумать, а что необходимо соотнести с реальными историческими фактами. И в конечном итоге пришла к такому выводу, что правду может знать лишь избранный круг людей, обладающих, особой осведомленностью. Иская одну правду, неизменно сталкиваешься с другой...

Рубин в Большой императорской короне Российской империи является частью ансамбля российских императорских регалий. Камень красного цвета, дополнялся, синим сапфиром, венчающим державу. А трио завершал белый алмаз из скипетра. Все вместе они образовывали основные бело-сине-красные цвета государственного флага России. А что если эти камни гораздо старше всей истории империи, и мо-

нархи получили их в наследство не случайно? Давайте разбираться.

Часть 1. Предпосылки войны.

Пролог.

Глазго. Шотландия 1920 год.

Небольшое семейное поместье лорда МакНила находилось на окраине города с прекрасным видом на реку Клайд. Хозяин дома закрылся в своем кабинете вместе с двенадцатилетней белокурой дочуркой, занятые изучением бухгалтерских книг. Два года назад Питер МакНил заметил исключительные способности Изабель: она могла не только держать в уме цифры, к коим её отец, будучи гуманитарием, относился весьма скептически, но и видела их цвета, форму, чувствовала запах, и даже слышала их. В её воображении разворачивалась целая карта математических вычислений. Изабель понятия не имела, что другие люди воспринимают информацию по-иному. Для неё с детства это было нормой. Поначалу семья была обеспокоена подобным восприятием девочкой окружающего мира, посчитав это неким проявлением психического расстройства. Но вскоре, они совершили поездку в Лондон, к одному известному профессору, который убедил родителей Изабель, что их дочь является синестетом, человеком с феноменальной памятью и многомерным виденьем реальности. По своему желанию она могла, как включать, так и отключать данную способность. Необходи-

димосьть использования синестезии нужна была каждый месяц двадцать девятого числа, когда отец доставал свои бухгалтерские отчеты по управлению помещьем.

— Итак, — подвел итог лорд МакНил, записывая данные. — В этом месяце мы сэкономили сто футов стерлингов на услугах садовника.

— И превысили норму трат на услугах кухарки. А все потому, папочка, что ты пристрасился к её вкуснейшим сконам! — деловито заметила девочка, непосредственно откусывая кусок от булочки и запивая её сладким чаем.

Питер МакНил оторвал взгляд от книг и улыбнулся, взглянув на дочь. Она сидела прямо на деревянном полу, подогнув ноги под себя. Рядом стоял разнос с чаем и сконами. Она успевала забрасывать их одну за другой в рот, и при этом странно разводить руками, проводя числовые расчеты.

— Видимо, не я один, — сказал отец, продолжая улыбаться. Предательские морщинки залегли в уголках его губ.

Изабель на минутку остановилась и перестала размахивать руками и жевать. Взгляд её был направлен куда-то в пространство.

— Ой, забыли посчитать, сколько нам с тобой необходимо на поездку в Египет! — воскликнула она.

— Дорогая, мы с тобой это уже не раз обсуждали. Я еду один, — ответил отец, и слегка пригнулся ближе к столу с бумагами, ожидая бурной реакции дочери.

Девочка резко вскочила с пола, и подбежала к отцу, остав-

ляя за собой след из хлебных крошек, сыпавшихся с её шерстяной плиссированной юбки. Она направила указательный палец в сторону обветренного лица Питера и вкрадчиво заметила, прожигая его взглядом:

– Ты же мне обещал.

– И передумал. Беру свои слова назад. Ты ещё не готова к такой длительной поездке и трудностям, которые могут ожидать нас в Гизе, – на одном дыхании выпалил лорд МакНил.

– Но, папа! – воскликнула Изабель, и принялась колотить маленькими кулачками по крышке стола, за которым сидел отец. Бумаги стали подпрыгивать в такт её движениям. Даже очки на переносице у Питера МакНила завибрировали. Вовремя спохватившись, и осознав, что она все-таки леди, девочка перестала барабанить по столу и отошла, опустив взгляд вниз, собирая с юбки оставшиеся крошки.

– Я достаточно взрослая, чтобы вести бухгалтерию, но видимо не достаточно взрослая, чтобы путешествовать с тобой и читать символы с древних табличек, – грустным голосом продолжала говорить она. – Ты только представь, как бы я тебе пригодилась со своим воображением. Мы с тобой в один миг смогли бы раскрыть загадку пирамиды Хеопса!

– Копаться в пыли, без элементарных средств личной гигиены, под изнуряющим палящим солнцем пустыни – занятие не для женщины, и уж тем более не для двенадцатилетней девочки, – обеспокоенно заметил отец, видя, что на глазах у дочери уже проступают слёзы. – Я обещаю тебе, что,

когда ты подрастешь, я возьму тебя с собой, но пока ты еще не готова, к испытаниям подобного рода.

Питер МакНил подошел к Изабель и ласково обнял её за плечи.

– К тому же, ты нужна мне здесь, чтобы разгадать загадку рубина, о котором идет речь в древних писаниях. Сходишь в библиотеку, произведешь свои подсчеты,— ласково уговаривал он дочь.

– Я уже все подсчитала,— выпалила девочка на одном дыхании, на ходу поправляя очки, съехавшие с переносицы отца. – Его размер должен быть 398,72 карата. Что составляет 2,75 дюйма по высоте, 1, 97 дюйма у основания и по 1,18 дюйма с двух противоположных сторон граней.

Лицо Питера вытянулось от удивления, и очки продолжили свой беспомощный спуск вниз.

– А само по себе появление такого рода шпинели невозможно, поскольку найденная тобой таблица, датируется, как ты сам утверждаешь 2480 годом до нашей эры...

– Что заводит нас в тупик, – продолжил отец вместо Изабель. – Ведь возраст первого найденного рубина в мире не более двух тысяч лет.

– А помнишь, как посмеялись над тобой твои друзья историки из Оксфорда, после публикации твоей статьи о древнеегипетском рубине в Нэшнл Джеографик¹? (*1-National Geographic – научно-популярный журнал мира с 1888 года*). Что, мол, древние египтяне знали лишь о золоте, а из дра-

гоценных камней дороже бисера и выловленного в Ниле барочного жемчуга, ничего в руках не держали! – почти, как настоящий взрослый историк рассуждала девочка, которая еще пять минут назад, ела булочки и пила чай прямо с пола, а затем хотела расплакаться.

– Эти снобы то же самое говорили о фотографии Тибета в этом же журнале. Мол – это дешевая подделка. В Гималаях не может быть затерян такой огромный Дворец,– добавил отец, и развернулся лицом к окну, с видом на реку. – О, как бы мне хотелось увидеть их озадаченные физиономии, после возвращения первой британской экспедиции из Лхасы. Когда всем стали доступны сведения о Тибете и Дворце Потала!

– Точно-точно! – широко заулыбалась Изабель, напрочь позабыв о том, что минуту назад она собиралась плакать. – Так и вижу, как они брызжут слюной, мотая из стороны в сторону головами в накрахмаленных париках!

Питер МакНил повернулся к дочери.

– Все время забываю, что ты еще совсем ребенок, а позволяешь себе подобные высказывания,– укоризненно покачал он головой. – Видимо я тебя слишком избаловал.

– Папочка – не переживай! – воскликнула девочка. – История – это все, что нас с тобой объединяет. А воспитанием пусть мама занимается!

– Кстати о твоей матери. Я заметил, что она с самого утра не в духе. Достала все платья из гардероба и по очереди их перемеряла. А затем заявила, что ей совершенно нечего на-

деть и куда-то испарилась!

– Наверно отправилась к портному,— ответила Изабель, возвращаясь к своему месту на полу и уже остывшему чаю. — На площади Джорджа расположился цирк-шапито из Будапешта. Мама где-то достала три билета на завтра, хотя они уже были распроданы на две недели вперед. А ты разве не знаешь об этом? Я думала мы идем все вместе! — удивленно захлопала длинными ресницами девочка.

– Впервые слышу об этом! — так же удивленно ответил Питер МакНил. — Я всегда узнаю обо всём последним.

– Нет, папочка,— улыбнулась Изабель, а на щеках, усыпанных веснушками, появились милые ямочки, точно такие же, как у её отца.

– Просто ты иногда так сильно задумываешься, что не замечаешь ничего вокруг! Мама несколько раз повторяла тебе о цирке вчера за ужином.

– Да?— искренне удивился лорд МакНил, усаживаясь за стол.

– Там будут выступать воздушные акробаты, клоуны, наездники! А еще покажут всевозможных животных: и обезьян, и слонов и верблюдов! Я мечтаю, о том дне, когда ты покатаешь меня по пустыне на верблюде!

– И я всегда выполняю свои обещания,— заверил дочь Питер. — Настанет день, и мы отправимся на раскопки вместе! А сейчас давай посчитаем, сколько же денег из бюджета я могу позволить себе потратить на предстоящую экспедицию.

Отец с дочерью едва успели погрузиться в свои бухгалтерские книги, как в кабинет настойчиво постучали.

Изабель открыла дверь, и её оттолкнули в сторону, вместе с дворецким, который едва успел открыть рот, чтобы сообщить, что к лорду посетители. В комнату вошли трое мужчин в строгих черных костюмах. Один из них держал в руках деревянную коробку. Девочка, вместе с навалившимся на неё весьма тучным дворецким, зацепила каблучком туфли разнос. На нем зазвенел чайник, и, опрокинувшись, разбил фарфоровую чашку с недопитым чаем. Громкий звук разбивающейся посуды сопровождался вопросом Питера МакНила:

– Кто вы такие, господа и что вам нужно?!

– Мы бы хотели поговорить с вами наедине, – ответил один из мужчин с явным ирландским акцентом.

– Но что происходит?! – привстав из-за стола, продолжил лорд.

– Пусть ребенок и дворецкий удаляться, тогда мы вам все объясним, – продолжали настаивать посетители.

– Изабель, мистер Риксби, – обратился он к дочери и слуге, которые стояли в углу, боясь пошевелиться. – Покиньте, пожалуйста, мой кабинет, джентльменам необходимо обсудить со мной что-то весьма важное.

– Но, папа! – попыталась было возразить Изабель, но отец пресек её поднятой вверх рукой, а дворецкий подталкивал к выходу, пытаясь удержать разнос с битой посудой.

– Только скажите, мне стоит звонить в Скотланд Ярд² (2-*Scotland Yard – полиция Великобритании*), сэр?! – добавил он на ходу.

– Это лишнее, – ответил вместо МакНила один из ирландцев. – С вашим хозяином все будет в порядке. Мы ненадолго. А теперь закройте за собой дверь.

Мистер Риксби послушно прикрыл дверь, а один из визитеров защелкнув замок, прислонился к двери спиной, чтобы не было возможности подслушивать разговор с другой стороны.

– Меня зовут.... – последнее, что услышала Изабель, покидая кабинет отца.

Девочка не раздумывая ни секунды, сняла свои туфельки на каблуках и в одних серых колготах, направилась в сторону, где был чердак их особняка.

– Что вы делаете, мисс?! – крикнул ей вслед дворецкий.

– Отправляюсь к «уху». Я обязана знать, что этим людям нужно от моего отца!

Мистер Риксби лишь покачал головой, прекрасно зная, что Изабель МакНил – еще тот сорванец! Вздохнув, он отправился на кухню.

Вверх к чердаку, а затем налево, снова вверх, а потом вниз. Так Изабель оказалась в тайной комнате за отцовским кабинетом. Только истинный шотландец мог знать, где в доме находится помещение для прослушки, именуемое «ухом лэрда» (или «ухом лорда»). «Ухо» в своем доме, девочка об-

наружила ещё в возрасте семи лет, когда в подсчете ею комнат, что-то не складывалось в общем плане особняка. С тех пор она каждый год знала, где родители прячут подарки на Рождество.

Через камин потайной комнаты можно было не только всё слышать, но и видеть. Девочка устроилась поудобней, и до неё стали доноситься фразы с ирландским акцентом.

– Поэтому мы хотим, чтобы вы провели анализ этого предмета искусства. Если его возраст старше, а история уходит своими корнями намного веков назад, его цена на аукционе многократно возрастет. И помните, что этот разговор между нами, строго конфиденциален.

– Но я историк, египтолог, а не ювелир, – слышался голос отца, который, пытался, было запротестовать, а затем неожиданно ахнул.

Изабель вытянула шею настолько сильно, насколько могла, пытаясь разглядеть, что же показывают отцу незваные гости. И даже пожалела на мгновение, что отвергла предложение матери заняться балетом. У прим такие длинные шеи! Сейчас ей бы это очень пригодилось. В руках у её отца оказалась корона, мерцающая бриллиантами на солнце, которое посылало свои лучи сквозь окна кабинета. В центре короны сверкал огромный рубин, заверченный крестом. Рубин размером 398,72 карата, быстро подсчитала в голове девочка.

– Вы правы, господа, – продолжил МакНил, разглядывая предмет искусства, – не нужно быть ювелиром, чтобы знать,

что это. Это Большая Императорская Корона Его Императорского Величества Николая II! Последнего императора России!

В голосе отца Изабель расслышала нотки трепета, благоговения и страха. Девочка сидела затаив дыхание, завороженная зрелищем.

– Но как она оказалась у вас? – наивно поинтересовался Питер.

– Профессор – вам об этом знать необязательно. Могу сказать лишь одно, что новое правительство России, распродаёт практически за бесценок предметы искусства, принадлежащие русским аристократам. К вам мы пришли с конкретной целью, заинтересовавшись вашей статьей в Нэшнл Джеографик. Вы могли бы провести анализ драгоценных камней в Короне, чтобы выяснить их истинное происхождение и возраст?

– Потрясающе, просто потрясающе ... – бормотал Мак-Нил, все еще вертя в руках довольно увесистую царскую регалию.

– Так что скажете, профессор? – настаивал ирландец.

– Я скажу, что Корона – просто прекрасна! Но есть лишь одна проблема, хоть повторяюсь, что я и не ювелир, но рубин по центру – подделка!

– Что значит подделка?! – возмутился ирландец.

У Изабель ужасно затекла шея, да и долго сидеть неподвижно она не любила, поэтому ей пришлось нехотя поки-

нуть «ухо лэрда». Позже она обо всем расспросит отца.

Ужин семейства МакНил поначалу проходил в полной тишине. Питер был погружен в собственные мысли о драгоценном предмете, который лежал у него в сейфе. Его жена Сильвия, мама Изабель, обдумывала, как сообщить мужу о том, что она потратила кругленькую сумму на новое платье. Итальянка по-происхождению, она все делала экспрессивно и с размахом. А её темперамент мог вытерпеть только Питер, просто потому что по своей натуре он редко вникал в смысл всего сказанного ею. К тому же его частое отсутствие из-за археологических экспедиций, делало этот брак еще крепче. Но с тех пор, как Изабель стала помогать отцу вести бухгалтерию, Сильвия снизила расходы на личные нужды. Тяжело было противостоять подобному союзу. Питер МакНил даже не замечал, что его дочь не притронулась к любимому мясному пирогу. Девочка думала, как сообщить отцу то, что она знает о Короне и выведать у него прочие подробности. В конце концов, Сильвия не выдержала:

– Я была в магазине готового платья, и потратила на новый гардероб пятьсот фунтов стерлингов! За подгонку по фигуре пришлось выложить еще семьдесят пять фунтов, и завтра к утру все доставят на дом.

– Прекрасно, – автоматически ответил лорд МакНил.

– Отлично, мам, – ковыряя вилкой пирог, добавила Изабель.

– Целых пятьсот семьдесят пять фунтов! – настаивала леди МакНил.

– Замечательно, – бесстрастно ответил муж. Мыслями он был где-то очень далеко.

– Рада за тебя, мам, – будто с другой планеты ответила дочь.

– Так, что здесь происходит?! – откладывая вилку в сторону, резко спросила Сильвия. – Вы вроде бы рядом со мной, а сами «витаєте в облаках»!

– К папе приходили какие-то странные люди! – выпалила, не подумав Изабель.

Леди МакНил удивленно вскинула одну бровь и посмотрела на мужа. Лорд МакНил, пришел в себя, поправил очки и странно взглянул на дочь, которая поежилась от его взгляда, а затем, смягчившись, ответил жене:

– Ничего особенного, просто принесли один предмет искусства на оценку.

– Но ты ведь не ювелир?! – удивилась Сильвия.

– Да, но я ведь пользуюсь радиоуглеродным методом³ (3-Радиоуглеродный анализ, который отталкивается от содержания в органических предметах радиоактивного углерода C-14) для определения возраста находки. А что может быть более связано с углеродом, как не драгоценный камень, к примеру, алмаз – ведь это одна из форм углерода! – воодушевился Питер, и даже привстал из-за стола, размахивая вилкой в руке.

– Но ты забываешь, папочка,– ехидно заметила Изабель, – что в этом методе есть один большой недостаток,– девочка сделала ударение на этом слове и, оглядевшись по сторонам, заговорчески продолжила: – Он датирует только органическое вещество, а не время создания из него исторического артефакта. Вот взять, к примеру, корону – можно вычислить возраст материала, из которого она изготовлена, но дату создания этой вещи можно подделать, подобрав старинный материал.

– Так-так,– покачал головой отец. – Ты что опять подслушивала из «уха»?

– Совсем немного,– стушевалась девочка. – Ты ведь расскажешь мне об этом? – несмело выдавила она из себя, опуская взгляд в тарелку.

– Не могу. Мне нельзя никому об этом рассказывать,– спокойно ответил отец.

– Но я ведь, не «кто-нибудь»? А мама может выйти ненадолго из столовой,– заметила Изабель, с надеждой глядя на отца и даже, не обратила на мать никакого внимания.

Сильвия, сидела, расправив плечи, держа осанку, которой позавидовала бы сама королева, совершенно не понимала сути происходящего вокруг. Муж и дочь говорили о вещах, которые её никогда не интересовали. Но последняя фраза Изабель рассердила мать.

– Во-первых: что ты себе позволяешь, юная леди,– сказала она, повысив голос. – Сейчас ты доешь свой пирог, и первая

покинешь столовую, потому что отправишься к себе в комнату. А во-вторых: завтра мы все идем в цирк, и ты пойдешь и подберешь себе подходящее платье. И в третьих: я хотела разрядить обстановку за столом, а не накалять её. А вы портите настроение себе и мне.

После слов матери, Изабель, молча, принялась за еду.

– Дорогая, – робко заметил лорд МакНил, – к сожалению я не смогу завтра пойти с вами на представление. Мне действительно поручили одну очень важную работу, которую нужно выполнить в кратчайшие сроки.

– Но у меня три билета! – воскликнула Сильвия. – Вы не представляете, как тяжело было их достать!

– Возьмите с собой дочь нашей кухарки. Они с Изабель подружки. Девочкам будет гораздо интересней в цирке, чем мне.

– Что ж, – сдалась леди МакНил. – Видимо так и поступим. – Скажи миссис Дорсет, чтобы принесла чай, – добавила она, глядя, как дочь, доев пирог, покидает столовую.

– Хорошо, мамочка, – вздыхая, ответила девочка, и на ходу добавила: – А твои растраты в пятьсот семьдесят фунтов, мы вычтем из бюджета, в следующем месяце!

– Будешь ругаться? – спросила Сильвия у мужа, и, не дожидаясь его ответа, с улыбкой добавила: – Хотя бы сможем нормально поговорить за чаем.

Леди МакНил блистала этим вечером, в свете софитов, мерцающих под куполом цирка. Её южный золотистый оттенок кожи подчеркивали шляпка, обрамленная перьями, длинные бриллиантовые серьги и платье, цвета марсала модного прямого покроя. Сбоку от неё сидели две девочки и наслаждались представлением. Уже выступили и силач, и канатоходцы, и воздушные эквилибристы. Дошла очередь и до клоунов. Было очень весело наблюдать, за тем, как они обливают водой из специальных приспособлений, закрепленных на их головах под шляпами, людей из высшего аристократического общества.

– Вы посмотрите, что себе позволяют эти венгерские цыгане! – воскликнула Сильвия, обращаясь к Изабель и дочери кухарки, которую они позвали с собой. – Я просто счастлива, что нам достались билеты не в первом ряду. Как бы я сушила свою шляпку?!

Девочки утвердительно закивали в ответ на фразу леди МакНил. Дочь кухарки Мэг, не переставала смеяться ни на мгновение. Особенно, когда клоуны стали обсыпать светское общество мукой. Изабель же это быстро наскучило. Она ждала номеров с животными.

– Пойду, прогуляюсь, – сказала она матери, вставая. – Надоели клоуны.

– Хочешь поскорее увидеть обещанных верблюдов?! – заметила проникательная Сильвия.

– И слонов, и арабских скакунов, и даже дрессированных

догов! – воскликнула Изабель. – Кстати, кто-то обещал, что подарит мне собаку-собаку!⁴ (4 – Dog – с английского переводится, как собака. А собака породы Дог – Breed dog. Имеет место игра слов – дог-дог).

– А кто будет за ней ухаживать, если ты собираешься ездить на раскопки вместе с отцом?!

– Пока он соизволит взять меня с собой, мой пёс успеет вырасти, состарится и умереть! – ответила девочка и направилась к выходу из огромной цирковой палатки.

Она бродила вдоль загонов для животных, пытаясь, хоть краем глаза кого-то разглядеть. Из шاپито доносился пронзительный смех публики, значит, клоуны все еще выступали. Рядом слышался цыганский говор, но на улице уже было темно, светила лишь луна, и девочку никто не замечал. Наконец, Изабель оказалась у наспех построенного из кольев забора, за которым на черном жеребце гарцевал наездник. У девочки перехватило дыхание от прекрасного зрелища, освещаемого лишь лунным светом. Наездник заметил темную фигуру у забора и спешил рядом с Изабель.

– Что ты здесь делаешь? Ты не заблудилась, случайно? – спросил он по-английски, со странным акцентом. Это был высокий молодой мужчина со светлыми волосами, и насколько смогла разобрать девочка – ясными бирюзовыми глазами. Одет он был в яркий камзол для выступлений.

– Нет, – ответила она, протягивая руку через забор, чтобы погладить лошадь. – Просто хотела увидеть животных.

Конь взбрыкнул, но, всё-таки дал себя погладить.

– Осторожно, он с характером,– заметил парень, наблюдая за движениями девочки.

– Ты не похож на остальных цыган,– простодушно заметила она, оторвав взгляд от лошади и посмотрев наезднику прямо в глаза.

– Почему же? – улыбнулся он.

– Ты другой, слишком светлый!

Парень рассмеялся.

– Но всё-же, я – цыган,– ответил он.

– Да? И как же тебя зовут? – поинтересовалась девочка, конь уже облизывал её руку.

– Меня зовут Лекса.

– Ха-ха-ха! – настала очередь девочке смеяться. – Что за вздор?! Это ведь женское имя!

– Ничего подобного,– сделал вид, что обиделся наездник. – Для нас цыган – это имя мужское. Оно переводится, как «защитник».

– Понятно,– вздохнула девочка.

– Ну, а тебя как зовут? – спросил Лекса.

– Изабель.

– Что ж, Изабель, мне выступать через пятнадцать минут. Если любишь животных, могу провести тебя к цирковой палатке, мимо некоторых из них.

– Это было бы просто замечательно! Хочу погладить верблюда и посмотреть на ваших замечательных догов!

– Легко! – воскликнул парень, выходя из загона и взяв коня под уздцы.

– Кстати, одна из собак недавно оценилась. Можешь посмотреть на маленьких догов.

Глаза Изабель загорелись от предвкушения того, что она собиралась сделать.

Когда она вернулась назад, она, молча, прошла мимо матери и села на своё место, рядом с Мэг. Клоуны удалились и шпрехшталмейстер⁵ (*5-Шпрехшталмейстер(нем.) – ведущий циркового шоу*), объявил следующий номер. Выступал новый знакомый Изабель – Лекса со своей женой Лилой. Номер так и назывался: «Лекса и Лила – танцующие на лошадях».

– Где ты была так долго? – поинтересовалась Сильвия у дочери, не в силах оторвать взгляд от удивительной пары на двух черных арабских скакунах.

– Знакомилась с животными, – ответила девочка, так же замороженная зрелищем, происходящим на арене цирка.

– Мы с отцом слишком тебя разбаловали. Гуляешь среди ночи, где вздумается, делаешь, что хочешь...

Тираву леди МакНил заглушила музыка и взрыв аплодисментов, когда в конце номера Лекса одной рукой подхватил свою стройную жену с длинными черными волосами, заплетенными в тугую косу и, усадив на своего коня начал целовать. Послышался всеобщий возглас изумления, а затем все

стихло. И тут из твидового пиджака Изабель раздался писк.

Сильвия и Мэг, одновременно повернули головы в сторону девочки.

– Что там у тебя? – поинтересовалась дочь кухарки. – Покажи!

– Ничего, – ответила Изабель, кутаясь в теплый пиджак, будто ей холодно. Но писк повторился.

– Изабель Александра Георгия МакНил! – в глазах матери полыхало пламя. Она называла дочь полным именем лишь в крайних случаях, когда та, сильно провинилась. – Что у тебя под пиджаком?!

Люди на соседних креслах в испуге переглянулись, но быстро успокоились. На арене цирка снова заиграла музыка. Началось шоу собак.

Изабель с невинным выражением лица извлекла из-под одежды маленького щенка.

– Ой, какой хорошенький! – воскликнула Мэг, и протянула руку, чтобы погладить. Шоу, развернувшееся внизу, теперь интересовало её меньше всего.

– Ты что украла собаку?! – возмутилась мать, в душе радуясь, что из-за громкой музыки никто из знакомых этого не услышит.

– Нет, мама, что ты, – ответила Изабель, пряча щенка назад под пальто. – Мне его подарили цыгане, которые только что выступали на сцене – Лекса и Лила.

– Верни его назад, сейчас же! – приказала мать.

– И не подумаю!

– Если ты принесешь его домой, тебе придется отвечать за это перед отцом!

– Ах, мама, оставь, – ответила девочка. – Мы ведь все знаем, кто в нашей семье главный! А у тебя доброе сердце, – добавила она и спокойно продолжила наслаждаться шоу.

– Ну ладно бы ещё завести какую-то маленькую собачку, – не прекращала возмущаться Сильвия, переступив порог дома. – Ну, французского бульдога на крайний случай. Но дог! Он сейчас хорошенький, пока щенок. Но, он вырастет и станет огромной собачищей!

– Я буду помогать его воспитывать, когда Изабель будет занята, – сказала Мэг, подмигнув подружке.

– Вот видишь, мама, – заметила девочка. – Я смогу ездить с отцом в экспедиции и тебе даже не придется выгуливать Лексу самой!

– И что это за кличку такую ты выбрала?! Лекса! Этот щенок – девочка? – спросила она, смягчившись, и посмотрев на собачку, высунувшую нас из-за пиджака дочери.

– Мальчик. Но, это ведь цыганское имя, – сказала она, как будто уже стала экспертом в цыганских именах. – Я назвала его в честь человека, который мне его подарил. Пойду и покажу его отцу!

Сильвия лишь сокрушенно покачала головой, глядя на

дочь.

– Леди МакНил! – воскликнул появившийся на пороге дворецкий. – У вашего мужа опять какие-то люди. Они показались мне очень странными, и взял на себя ответственность позвонить в Скотланд-Ярд.

Улыбки на лицах Сильвии и девочек в раз потухли.

– Где они? – серьезным тоном спросила женщина.

– В кабинете вместе с вашим мужем.

– Вы все правильно сделали, мистер Риксби, – она одобряюще кивнула. – Сейчас переоденусь и посмотрю, что там происходит. А вы, – обратилась она к девочкам, – марш к себе!

Мэг послушно поплелась в свою комнату, которую она делила вместе с матерью, лишь успев пожелать всем доброй ночи. Но Изабель поддалась порыву подслушать о том, что происходит в кабинете отца, завернула собачку поглубже в пиджак, разулась, и побежала к множеству коридоров «уха».

То, что она увидела из-за стены, навсегда перевернуло её мир. Какие-то люди, с немецким акцентом избивали её отца, требуя от него код от сейфа. Их было четверо. Трое из них были коренастыми и накачанными, с тёмными волосами и светлыми глазами. Но лицо одного из них навсегда осталось в памяти у Изабель. Он был очень светлым. И ресницы, и брови, всё у него было светлым. Лишь глаза, их цвет был таким темным, что когда он посмотрел на стену, за которой пряталась девочка, ей показалось, что он видит пря-

мо насквозь. Она даже подумала, что он заметил её. Такой тяжелый был у него взгляд. Подобных людей, вспомнила девочка, называли альбиносами.

Вдруг на пороге кабинета возникла Сильвия. Бросившись к мужу, она обняла его и принялась что-то ласково нашептывать.

– Фрау МакНил, может вы, окажетесь сговорчивей и сообщите мне код от сейфа вашего мужа? – сказал альбинос.

– Но я его не знаю, – соврала женщина.

– А если вот так?! – продолжил альбинос и приставил дуло своего «маузера» прямо ко лбу лорда МакНила, пока двое других мужчин, оттянули её от него.

Сильвия беспомощно смотрела на Питера.

– Что там такое важное, что стоит твоей жизни? – прошептала она, а затем громко продиктовала цифры от кодового замка сейфа.

Плечи лорда МакНила беспомощно опустились, когда немцы открыли его и извлекли на свет Корону Российской Империи.

– Целый Мир, – беспомощно сказал он.

Дальнейшее происходило слишком быстро, чтобы Изабель смогла это осознать. Альбинос завернул корону в какую-то тряпку и ни секунды не раздумывая, выстрелил лорду МакНилу прямо в голову. Леди Сильвию, бросившуюся к мужу, настигла следующая пуля немца.

– Здесь должна быть еще их дочь, – приказал он своим лю-

дям, покидая комнату. – Не оставляйте в живых ни одного свидетеля!

Рыдая и прижимая к себе щенка, Изабель пробиралась сквозь стену. Мысли в голове у девочки путались, она не знала, что ей теперь делать! Один из лучших дней в её жизни, стал, по всей видимости, последним. На выходе из стены она расслышала сирену приближающейся полицейской машины.

Девочка брела по дому, едва переставляя ноги. Возле парадной двери в луже крови лежал дворецкий. Словно в бреду, она успела дойти до кабинета отца и приоткрыть дверь, как двое мужчин в форме и котелках на голове, стали уводить её прочь от представшей перед глазами ребёнка картины...

Глава 1.

Вена. Австрия 1933 год.

Стояла дождливая и холодная пора – конец ноября. Настроения горожан в Европе соответствовало погодным условиям. Но никто не отменял традиционный для этого времени года Венский бал. Открывали его дебютанты сезона – молодые девушки и парни. Девушки были одеты в белые пышные платья с букетиками цветов, а кавалеры наряжены в новейшие фраки. Их лакированные туфли были начищены до блеска, которыми они вторили в такт оркестру играющему полонез. Далее они показывали своё умение в правостороннем и левостороннем вальсе.

Джек, молча, подпирал колонну Венского оперного театра. На нем был шикарный черный смокинг, а лицо закрывала маска, выполненная в венецианском стиле. Квадратные скулы, которыми он так гордился, единственное, что осталось не спрятанным под маской, были гладко выбриты. Все, как он любит! Правда эта новая традиция на балу, его ужасно напрягала. Лица аристократов трудно было разобрать под этими накладками. Как же ему найти среди бесчисленного множества гостей прекрасную Жозефину, потомственную французскую дворянку, семья которой, лишилась своего титула, но не связей, после Парижской коммуны.

Когда заиграл вальс маэстро Штрауса – началась официальная часть бала. Для Джека это стало возможностью разыскать Жозефину. Свободно и без особого напряжения, он вальсировал от одной незнакомки в маске, к другой, попутно очаровывая их магическим взглядом своих угольно-черных глаз.

Уже далеко за полночь, он нашел её. Она была одета в роскошное синее платье, с глубоким декольте. Волнистые русые волосы были собраны в высокую прическу. Вокруг длинной шеи была обмотана несколько раз нить жемчуга, украшенная бриллиантами. В ушах массивные бриллиантовые серьги. И даже на нескольких пальцах надеты бриллиантовые кольца, хотя руки были облачены в высокие, под цвет платья, перчатки.

Не узнать её было невозможно. Маска не скрывала кра-

соты лица галльского происхождения, не смотря на то, что женщине было уже за сорок. Она пребывала в одиночестве на одном из балконов оперы, сжимая в руках бокал с шампанским.

Воспользовавшись моментом, Джек возник рядом с ней.

– Позвольте угостить вас,– шепнул он ей на ухо самым обольстительным тоном, на который был способен.

– Но я уже наслаждаюсь шампанским,– она медленно повернулась к оппоненту, вертя в руках бокал.

Джек не спеша, взял бокал из её руки, которая, благодаря шелковым перчаткам легко поддалась его натиску, и молча, швырнул его куда-то в угол балкона. Звук битого стекла растворился в мелодии вальса. Женщина удивленно уставилась на него.

– Бьюсь об заклад, вам нужно совсем другое, иначе бы вы не стояли здесь в полном одиночестве,– заявил Джек, стараясь придать своему голосу ирландский акцент.

– А вы, месье, однако, наглец,– заметила Жозефина, проследив взглядом за действиями незнакомого мужчины, который уже извлек из глубин своего смокинга бутылку с крепким напитком и двумя рюмками на тонких ножках.

– Шотландский виски двадцатилетней выдержки – то, что нужно! – воскликнул он, откупоривая бутылку и наполняя рюмки. – К сожаленью стаканов для виски, на кухне не было.

Он вставил одну из рюмок ей в руку, а вторую чокнувшись, немедленно осушил. Женщина последовала его при-

меру, не отрывая своего взгляда от незнакомца. Она уже стала жертвой его черных глаз.

– Кто вы такой? – спросила она, слегка поморщившись от крепости благородного напитка.

– Меня зовут Эдвард Стоун, барон Ньюбург, мадам, – ответил он, слегка наклонив в сторону женщины корпус своего тела.

– Что барон делал на кухне, среди челяди? – спросила Жозефина, засмеявшись.

– Однообразие вальсирующих, вынудило меня заскучать, – ответил Джек, вновь наполняя рюмки виски. – Позвольте поинтересоваться, – чуть ли не убаюкивающим тоном добавил он, подталкивая женщину вновь пригубить крепкий напиток вместе с ним, – как ваше имя и почему такая красавица находится здесь в полном одиночестве?

– Меня зовут Жозефина де Колиньи, – ответила женщина, понимая, что растворяется в магическом взгляде барона, придвинувшегося к ней на довольно близкое расстояние. – Я скучаю, потому что после смерти мужа не могу найти подходящего партнёра для танца.

– Позвольте исправить это вопиющее недоразумение, – ответил Джек и повлёк её за собой. Женщина и не подумала сопротивляться.

Их вальс был наполнен всепоглощающей страстью, словно это был не паркет венской оперы, а дощатый пол для исполнения аргентинского танго. Безрассудность францужен-

ки, которой уже нечего было терять, а опрометчивые поступки, всегда её забавляли, плюс страстность натуры, приправленная дозой крепкого алкоголя, привели Джека в её австрийский дом.

Еще по дороге сюда, они лишились своих масок, и весь проделанный путь не переставали целоваться, опоенные красотой друг друга.

Оказавшись в доме, им все же пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание и попросить слугу принести еще выпивки и кое-что из закуски. Когда прислуга удалилась, Жозефина обратилась к Джеку.

– Барон, как вы находите мой дом?– спросила она, обводя взглядом гостиную, полностью заставленную всевозможными предметами искусства.

Мужчина прошелся вокруг комнаты, вглядываясь в роскошные предметы обстановки: вазы, кубки, антикварную мебель, пока его внимание не привлек один предмет. Заложив руки за спину, и сделав вид, что его интересует картина, висящая на стене, он равнодушно заметил:

– Если не ошибаюсь – это «Звездная ночь» Винсента ван Гога.

– А вы, однако, ценитель, барон,– заметила Жозефина, подойдя к нему сзади и слегка обняв за талию.

– Но насколько я знаю, картина никогда не продавалась, добавил мужчина. – Как вы сумели её достать?

– О – это не я. Мой муж. Он был австрийским диплома-

том. А в душе – коллекционером. Я никогда не вдавалась в подробности его маленьких шалостей, мне это было ни к чему.

Женщина, бросив в сторону Джека страстный взгляд, отошла от него, потянувшись, к одной из полок, уставленную предметами роскоши.

– Больше всего мой муж тяготел к работам российских мастеров, – Жозефина сняла с полки «яйцо Фаберже» и протянула Джеку. Тот принялся его разглядывать, на ходу бросив:

– Почему столь дорогие предметы искусства просто украшают ваши полки? Их нужно поместить под надежную охрану.

– В этом доме стоит такая сигнализация, что когда она срабатывает, она оглушает своим мерзким звуком весь район. И к тому же посылает сигнал на пульт управления в жандармерию города, – рассмеялась француженка, забрав «яйцо» из рук мужчины и ставя его на место. – А еще я уверена, что половина коллекции моего мужа – всего лишь подделка. Вот взять, к примеру, вот этот предмет, – она сняла с полки золотой шар, похожий на яблоко, увенчанный синим камнем и бриллиантовым крестом. – Я уверена, что это всего лишь качественная подделка. Узнаете?

Джек старался сдерживать волнение в голосе.

– Думаю, что да, – ответил он, совладав с собой и не забывая про ирландский акцент, – этот предмет похож на Российскую императорскую державу.

– Вот именно – похож, – заметила Жозефина. – Вряд ли советское правительство допустило бы исчезновение подобного предмета из подвалов Кремля.

– Это уж точно, – процедил сквозь зубы Джек. Его охватывали смешанные чувства при одном упоминании о советском правительстве. – Но мы отвлеклись, мадам, – заметил он, вынимая из её рук державу и отправляя её на полку. – Предлагаю выпить за нас и за сегодняшнюю ночь!

Он направился к столику, на котором дворецкий вежливо оставил откупоренную бутылку шампанского.

– Или утро, – добавила женщина, так как стрелки на часах неумолимо приближались к четырем часам.

Пригубив игристого вина, Жозефина поцеловала Джека, слегка привстав на цыпочки. Мужчина был высоким, и ей поскорее хотелось лишиться его фрака, чтобы подтвердить свою догадку о стальных мышцах его обладателя.

– Мне нужно на минутку отойти в дамскую комнату, – промурлыкала француженка. – Я попрошу дворецкого показать вам мою комнату, – добавила она на ходу.

Джек страстно улыбнулся ей вслед.

Когда через пятнадцать минут Жозефина покинула пределы ванной, со смежной с её спальней дверью, то обнаружила своего дворецкого, лежащего связанным на полу под маленьким антикварным столиком. Оставив его валяться, она бросилась в гостиную, на ходу обнаружив еще нескольких слуг, лежащих под столами. Быстро осмотрев комнату, она

заметила пропажу. Рука потянулась к кнопке с сигнализацией. Но затем Жозефина передумала, поскольку пропавший предмет искусства, скорее всего, был добыт её мужем нелегально. Ей не хотелось объясняться с полицией до самого обеда. А ведь еще нужно освободить и поощрить за молчание слуг.

– Что за обворожительный вор, – сказала она вслух и улыбнулась.

Затерянный город Шамбала. Где-то в Бутане.

– Ну что, достал?! – Анна бросилась мужу на шею, как только тот вошел в их спальню.

– Еще как! – воскликнул он, ласково обнимая жену за талию и целуя в рыжеватые локоны.

Затем он отстранился и достал откуда-то из-за спины императорскую державу, увенчанную синим сапфиром и бриллиантовым крестом.

– Я не был у твоего отца. Хотел, чтобы ты первая оценила её.

Девушка деликатно поставила царскую регалию на прикроватную тумбочку и странно посмотрела мужу прямо в его черные глаза.

– А почему так долго добирался?

– Ты же знаешь, что мне все ещё тяжело пользоваться для перемещения этими треклятыми линиями-лей!⁶ (6 - *Линии-лей, лей-линий, магические линии, или «звёздная доро-*

га» – пронизывающая земной шар и соединяющая между собой места силы и святые места. С её помощью, главные герои путешествуют по миру в считанные минуты) – воскликнул Джек, пытаясь снять с себя верхнюю одежду. – На пути сюда я кое-что перепутал и оказался в Афганистане под градом из пуль, – он показал отверстие в поле своего пальто. – Еле успел унести оттуда ноги!

– Я бы тебе посочувствовала, если бы не знала, что все это время ты изображал из себя британского аристократа на венском балу! Признавайся, со сколькими женщинами ты станцевал польку?!

– Не польку, а только вальс, – заметил Джек, с иронией глядя на жену. Она стояла посреди комнаты в длинном полупрозрачном пеньюаре со взъерошенными на голове волосами. Бирюзовые глаза горели огнем.

– И только так, как ты сама меня учила!

– А с этой француженкой все прошло гладко? Надеюсь, тебе не пришлось её целовать? – подозрительно покосилась на него Анна.

– Умоюсь и почищу зубы, – сокрушенно ответил муж и побежал в ванную комнату, на ходу снимая с себя детали смокинга.

– Ну-ну, – девушка воинственно сложила руки на груди. – Значит, пока я терпела в этой промозглой холодной Финляндии старого ювелира, с его навязчивой идеей пообщаться со своим усопшим отцом с помощью спиритического сеанса –

ты кадришь красоток на балу?!

– В Австрии тоже было мокро и холодно!– прокричал Джек через дверь. – Твой отец сам предложил нам разделиться, и был прав. Кстати, у тебя получилось достать алмаз «Орлов» у этого пройдохи Фаберже? – спросил он, высывая голову из-за двери ванной комнаты.

– А сам-то как думаешь? – воскликнула девушка, а уже через секунду в руке у неё оказался знаменитый алмаз. – Отец был прав – сын Карла Густавовича Фаберже не просто выронил бриллиант при осмотре скипетра, но еще и успел подменить его! Старый филателист не зря сбежал из России, ему было что прятать!

– Ты ж моя умница! – воскликнул Джек, глядя на драгоценный камень в руках у жены и переступая порог ванной комнаты. – Дай я тебя обниму!

– Не так быстро! – воскликнула Анна, цокая языком. – Не раньше, чем полностью вымоешься! Желательно даже воспользоваться солнечным душем, а не водяным!

– Будет сделано,– отчеканил муж. – Кстати, у Жозефины было одно из прекраснейших «яиц Фаберже», еле удержался от того, чтобы не стащить и его тебе в подарок!

– Нет уж, спасибо, – на выдохе ответила Анна. – Хватит с меня этих Фаберже вместе с их яйцами!

Шамбала являлась одной из колоний Атлантиды. Люди,

населявшие её, были потомками самой древней цивилизации в мире – арийцев. Они родом из космоса, с Плеяды звёзд, как сами утверждали. Их наука, медицина и образование, шагнули далеко вперёд, поэтому многие из простых смертных, или как говорят в Шамбале – люди с Внешнего мира, посчитали бы, что они волшебники.

Солнечный душ и солнечная ванна, были одним из изобретений жителей города. Если водой можно мыться, то почему же солнечными лучами нет? Специальные пластины, установленные на крышах всех зданий, улавливали излучения, исходящие от солнца и превращали в энергию, обеспечивающую город всем необходимым. От электричества, до преобразованных лучей, которые с помощью особой технологии, сепарирующей солнечную радиацию, очищали в ультрафиолетовом спектре. Пыль и грязь удалялись лучше, чем водой с мылом.

Анна, которая на самом деле была Анастасией, великой русской княжной, узнала о существовании города пять лет назад. Оказалось, что она и её семья, являются потомками древней расы, охраняющие тайну существования Шамбалы и собирающие артефакты, способные установить шаткий, но все-таки мир, на планете. Её отец, мать и сёстры, не были расстреляны во время революции, как считали люди во Внешнем мире, а совершенно случайно оказались в этом загадочном городе. Здесь время и пространство были искривлены, из-за чего все жители росли и старели медлен-

нее, чем во всем остальном мире, во многом благодаря энергии «Семи сестер» – звёзд Плеяды. Император Николай II, отец Анны, входил в состав старейшин Внутреннего круга города. Они обеспечивали порядок, как в Шамбале, так и во Внешнем мире. За шестнадцать лет, проведенных здесь, он не состарился ни на год, как и его жена и три дочери. В отличие от Анастасии, которая вместе с братом Царевичем Алексеем, была отослана в Англию, подальше от революции в 1917 году. Тогда ещё не знавший о существовании Шамбалы император, считал, что поступает правильно, отправляя младших детей в Европу к родственникам. Однако, Алексей бесследно исчез в том же году в Украине, а Анна попала в Англию, но провела несколько месяцев в приюте, поскольку тетя, у которой она должна была гостить умерла по дороге в Лондон. Боясь признаться людям о том, кем она является на самом деле, она придумала себе новое имя – Анна Уилсон. Затем она покинула Лондон и отправилась в Ирландию, где сама смогла поступить в Дублинский колледж. Тогда способную молодую девушку заметил писатель Рафаэль Сабатини. Она участвовала в одном из его любимых занятий – спиритическом сеансе. Господин Сабатини помимо писательской деятельности, тайно работал в английской разведке МИ-6. Именно он предложил сделать из девушки шпионку. Так, во время своей первой миссии, с немцами из общества Туле,⁷ (7– Туле – немецкое оккультное и политическое общество, появившееся в Мюнхене в 1918 году. Полное на-

звание – *Группа изучения германской древности.*) Анна оказалась в Тибете. Эта миссия перевернула её жизнь. В Гималаях она познакомилась с Джеком, который на самом деле был советским шпионом по имени Максим Сафирин и работал на ЧК Советского Союза. Он притворялся буддийским ламой по приказу правительства, чтобы пробраться во Дворец Потала к самому Далай-ламе. Его заданием было привести Тибетскую автономию к революции изнутри. Но Максим давно мечтал исчезнуть, раствориться, стать недостижимым для «длинных рук» Советского Союза. Выполняя задания, он умело перевоплощался в разных людей, потихоньку воруя предметы искусства и приторговывая ими. Решив раз и навсегда, что останется Джеком, он находился в поисках себя и своего места в жизни. После знакомства с Анастасией – он его нашел. Она стала его жизнью. Их поженили в Бутане, хотя девушка даже не догадывалась о предстоящей церемонии и о том, что Джек возьмет её фамилию. Так появились муж и жена – Джек и Анна Уилсон.

Джек был человеком из Внешнего мира, в отличие от Анны, но его приняли в Шамбале. Теперь они вместе выполняли задания по поиску артефактов для Николая II. Скипетр, настоящий алмаз «Орлов» и державу, увенчанную синим сапфиром – они уже нашли. Оставалось разыскать Корону и рубин.

Миновав висячие сады Шамбалы, которым позавидовала

бы сама Семирамида, Джек и Анна оказались у одного из входов в Совет Внутреннего круга. Здание это было выполнено из стекла и хрусталя и напоминало собой огромного паука: в центре— «туловище и голова» — туда допускались только старейшины, а затем в разные стороны были разведены галереи и переходы, многие из которых заканчивались различными зданиями с высокими круглыми куполами. Здесь были и библиотека, и обсерватория, и музеи с артефактами, и даже места для отдыха с бассейнами и кабинетами массажа.

Охранник, облаченный в белый мундир, провел мужа и жену по одной из галерей в помещение для хранения предметов искусства.

— Я скажу вашему отцу, что вы ожидаете его, он подойдет, как только освободиться,— обратился охранник к Анне и покинул помещение, даже не прикрыв за собой дверь. Да это и не требовалось, здесь в Шамбале все друг друга знали и уважали, работали, как один слаженный механизм. А если, вдруг этот механизм давал сбой, совет выносил строгое наказание, чреватое потерей памяти. От частичной — исчисляемой несколькими днями или неделями, до полной, с возвращением человека, вздумавшего осуществить что-то нехорошее, назад, во Внешний мир. Таким ресурсом обладали в Шамбале. Виновный оказывался за пределами города, ничего не помня о своей прошлой жизни.

— Как думаешь, сколько времени у нас есть до прихода

твоего отца? – с намёком спросил Джек, ласково поглаживая руку своей жены.

– Даже не думай об этом! – сморщив нос, ответила Анна. – Ты же не настолько соскучился по мне, чтобы делать «это» здесь, среди древних рукописей и артефактов?

Она посмотрела в его глаза и поняла, что именно «настолько»!

– К тому же я все еще зла на тебя из-за твоей «миссии Жозефина»! – добавила она и, вынув свою руку из большой ладони мужа, и отправившись вглубь комнаты, принялась ходить вдоль стеллажей. Джек вздохнул, глядя ей вслед, а затем молча достал из своей кожаной сумки, найденные ими царские регалии, чтобы отчитаться перед Николаем II.

Когда на пороге возник бывший российский император, вид у него был хмурый. Анна, погруженная в изучение древних книг, мельком взглянув на отца, не могла этого не заметить.

– Что случилось, отец? – она подбежала и обняла его.

Джек тоже, вынырнув откуда-то из-за застекленных полок с предметами искусства, оказался рядом с Николаем и поприветствовал его рукопожатием. Про себя отметив печаль в голубых глазах мужчины.

– Пойдемте, присядем, дети мои. Я вам всё расскажу, – заметил император, двигаясь в соседнюю комнату для переговоров, с круглым стеклянным столом и деревянными стульями. Анна и Джек двинулись следом за ним. На ходу, мужчи-

на успел обронить:

– А как же держава и бриллиант?

– Пусть остаются в хранилище, скоро ученые их изучат на предмет подлинности, – ответил Николай II более бесстрастным тоном, чем ожидал Джек. Он до сих пор не мог привыкнуть к тому, что подобные вещи, при виде которых лично у него «загораются» глаза – здесь лежат без надежной охраны. И к тому же им с Анной пришлось через многое пройти, чтобы раздобыть эти артефакты.

– В мире происходят странные вещи, которые под силу остановить только нам, – начал разговор император, после того, как сел во главе стола, а муж с женой оказались по обе стороны от него. Он развернул карту, которую все это время держал в руках и положил прямо перед собой, чтобы Анна и Джек тоже смогли её видеть.

– Во-первых – лей-линии, соединяющие Европу и Северную Африку полностью исчезли, – вздохнул отец Анны, водя пальцем по карте. – Это, как вы сами понимаете – очень плохо для энергии Меркаба, поддерживающей порядок вещей во Вселенной. Именно поэтому, нам нужны истинные «звездные» камни. Если окажется, что сапфир и алмаз, найденные вами настоящие, то вам придется доставить их в Марсель и Карфаген. Во Франции, в аббатстве Сен-Виктор уже ожидают вас вместе с сапфиром. А вот в Северной Африке, вам предстоит найти среди руин времен древнего Карфагена, монастырь и одного из наших хранителей, чтобы пе-

редать ему алмаз.

– Но не хватает рубина из твоей императорской короны, – перебила отца Анна, разглядывая карту. – Ведь, как я понимаю, чтобы «звездная дорога» вернулась, нам необходимо замкнуть треугольник.

– Все верно, дочь моя, – согласился император. – И вот тут начинаются странности. О своей принадлежности к древнему роду я ничего не знал, до событий, последовавших за революцией в России. О короне мне было известно лишь то, что Советское правительство продало её за границу, в Нью-Йорк в 1919 году. А затем она появилась в Великобритании, в Шотландии, если быть точнее. Далее след её перемещений – потерялся. Корона больше не всплывала ни на одном из лондонских аукционов. Она просто бесследно исчезла. Но это ещё не самое страшное. Как я уже вам говорил – регалии младше камней, которые в них были вставлены. Я всегда хотел вернуть и державу, и корону и скипетр себе, чтобы хранить то, что дорого моему сердцу и истории России, здесь, в Шамбале. Но камни – вот что самое важное! – император вздохнул и, переведя дух, продолжил. – Старейшины повергли меня в шок тем, что отыскав корону, мы обнаружим, что рубин в ней – фальшивый!

Джек и Анна во все глаза уставились на Николая II.

– Помнишь ли ты, Анастасия, – обратился император к дочери. – Графа Ивана Серебрянского?

– О, разве я могу забыть его! – мечтательно ответила Ан-

на, возведя глаза к потолку.

Джек настороженно взглянул на жену.

– Он часто гостил у нас в имении на Красной поляне, – поясняла она, чувствуя, что краснеет от неловкости, поймав на себе ревностный взгляд мужа. – Мы вместе с ним и братом катались на лошадях. Он учил нас охоте и рыбалке.

– Отлично! – с сарказмом выпалил Джек. – Этот Иван Серебрянский, он, что твоя первая любовь?!

– Я была совсем девчонкой, а ему было двадцать пять! Сейчас я понимаю – это лучший возраст: молодость, но в то же время – ум и опыт. А тогда он казался мне милым, потому что уделял много внимания, но старым, – принялась оправдываться Анна, чувствуя, как потеют её ладошки.

Царь сокрушенно смотрел на зятя и дочь. Было видно, что у них огромная любовь, ведь они постоянно ревновали друг друга.

– Знала бы ты тогда что ему больше ста лет, ты бы вообще приняла его за древнего старика, – осторожно заметил Николай II.

– Что?! – воскликнул Джек, огоньки ревности в глазах которого, тут же перестали полыхать. Он и Анна внимательно разглядывали улыбающегося царя.

– Да-да, дети мои – ему больше ста лет. Он – шамбалиец. Его знал и мой старший брат, и отец, и дед. Он жил здесь, лишь иногда появляясь во Внешнем мире, чтобы присматривать за царскими семьями. После каждой коронации но-

вого правителя, он доставал из регалий подлинные камни и заменял их подделками. А затем возвращал камни в Шамбалу. Мы-то все думали, почему в роду у графа Серебрянского все сыновья так похожи друг на друга. И все Иваны. А это оказывается – один и тот же человек. Просто здесь время течет по-иному, вот он и старел намного дольше.

– Да, я помню, он всегда был скрытен, – заметила Анна. – Часто исчезал... вот черт! – не удержалась от своего любимого словца девушка. – А где же сейчас Иван Иванович Серебрянский? Почему я его ни разу здесь не видела?

– Может, потому что мы не так часто бываем в Шамбале? – предположил Джек. Он задумался. Ведь, когда они с Анной не выполняют задания царя, мотаясь по лей-линиям, по свету, они занимаются строительством домика в Бутане, за пределами Шамбалы. Они решили, что хотят растить своих будущих детей и стариться вместе, именно там.

– Потому что его здесь нет, – ответил Николай II. – По словам старейшин – ему надоело жить так долго. Он вообще решил умереть, как можно быстрее, потому и отправился служить во Французский Иностранный легион⁸ (*8 – Французский иностранный легион – войсковое соединение, входящее в состав сухопутных войск Франции, комплектуемое преимущественно из иностранцев. В начале двадцатого века, из-за войн в Алжире, снискал нехорошую славу.*

– Да уж, я бывал в пустыне недалеко от Марокко и видел, как легионеры мрут, как мухи, – заметил Джек.

– Но зачем ему всё это нужно?! – удивилась Анна.

– Долгая жизнь успевает надоесть. Ты пресыщаешься ею. Вот и Иван Серебрянский, по всей видимости, устал. А что может быть лучше для русского, которому все надоело, чем не иностранный легион?– продолжил царь, поправляя складки на своей белоснежной тунике.

– И что о нем известно? В какой части света он находится? – спросил Джек.

– И жив ли он вообще?! – выпалила Анна и снова поймала на себе ревностный взгляд мужа.

– Как бы ему не хотелось умереть – он хранитель. И старейшины считают, что и он, и истинный рубин могут быть где-то в Северной Африке. В том же Марокко, или скажем в Алжире. Но это не проверенная информация. Внутренний круг утверждает, что из-за революции, он мог не успеть поменять камни в регалиях.

– Во всех трех возможно и нет, но в короне – мог успеть,– заметил Джек.

– Если так, то нам нужно отыскать корону и проверить рубин на подлинность,– добавила Анна. – А куда нужно доставить камень?

– В Египет. Установить в соответствии со звездной картой в храме Осириса, в Абидосе. Что усложняет задачу, ведь это нужно сделать в один определенный день, иначе лей-линии не восстановятся. Об этом я расскажу вам позже. Сейчас агенты совета пытаются отыскать корону в Европе. Как

только её след обнаружится – я сразу же отправлю вас туда. А из Европы в Африку, вам придется добираться, как простым людям – на корабле, из-за поврежденной «звездной дороги».

– Я думаю, мы справимся, – улыбнулся и подмигнул жене Джек.

– Вот тут и второе препятствие, которое меня пугает – грустно заметил Николай II, сложив руки в «замок». – Камни ищут треклятые немецкие нацисты из сообщества Туле. Их тайная организация, которая носит название – Орден Камней уже наделали много бед в Европе. Еще немного и они узнают о том, что собой представляют лей-линии. Не доведи Господь, они смогут ими воспользоваться и проникнуть сюда, в Шамбалу!

– Мы этого не допустим! – громогласно воскликнул Джек. – Я смог бы с ними разобраться, я ведь не такой добрый, как многие жители города. А задание с короной можно поручить кому-то другому, – выдвинул он предположение. – К тому же приближается война, мы все здесь об этом знаем, я был бы гораздо более полезен, если бы попробовал предотвратить её.

– Мы сами сможем предотвратить войну, – спокойно заметил император. – Как утверждают наши люди во Внешнем мире – она начнется с убийства какой-то важной персоны. Мы отправим нашего лучшего агента, чтобы этого не произошло. А вам с Анной, нужно заняться короной и рубином. Вы так замечательно перевоплощаетесь в различных людей,

оставаясь при этом незамеченными, что совет от вас просто в восторге! Кстати, Джек, так как артефакт связан с Египтом и в древних рукописях о нём часто упоминается, по его следу идут не только нацисты, но и твоя старая знакомая – египтолог, – добавил Николай II, при этом украдкой взглянув на дочь. Настала её очередь ревновать мужа.

– Изабель МакНил?! – воскликнул Джек.

Царь утвердительно кивнул.

– Помниться ты упоминал о своем знакомом египтологе, – прошипела Анна, – но ты не говорил, что она женщина!

– Ну, она – не женщина, – ответил Джек, стараясь сдержать улыбку. – Она, скорее девушка, потому что немного младше нас с тобой. Просто она очень умная и занимается раскопками с самого детства.

Император понимал, что зять совершает ошибку, повествуя Анне о своей знакомой подобным образом.

– От того, что вы периодически гостите в моем доме – вы тоже неплохо сохранились, – попытался вмешаться царь, но рука его дочери уже нащупывала, что-то в своих карманах, чтобы швырнуть это в мужа.

– Между вами что-то было? – допытывалась у Джека Энн.

– Нет! – обескуражено ответил он. – Она всего лишь девчонка, хоть и чертовски умная! К тому же вместе с ней по всем её археологическим раскопкам путешествует её пёс – огромный английский дог. А он никого к ней и близко не подпускает! Мужчин, так вообще, по всей видимости, недо-

любливает!

– Ладно,– смягчилась Анна, передумав бросаться в мужа всем, что под руку попадёт.

– Кхм-Кхм, как продвигается твоё обучение? – перевел тему разговора император, обращаясь к дочери.

В свободное от путешествий и строительства дома время, Анна изучала науки во Внутреннем круге.

– Неплохо – ответила она и улыбнулась отцу. – Можно сказать что то, что я знала о травах до визита в Шамбалу – была лишь малая часть моих знаний. Но все равно до доктора Волкова – мне далеко.

– А в восточных языках она вообще сильно продвинулась,– заметил Джек. – Я уже даже почти не замечаю её британо-ирландского акцента!

Анна звонко рассмеялась, глядя на мужа. В его глазах тут же вспыхнуло желание. Ей сейчас же захотелось оказаться с ним рядом под одеялом из тонких бутанских тканей.

– Что ж, – сказал Николай II, сворачивая карту лей-линий, – можете быть свободны, пока эксперты исследуют ваши находки. Огромное вам спасибо!

Дважды повторять не было смысла, они побежали домой, на ходу бросив: – Не стоит благодарности – это наша работа!

Яркое солнышко пробивалась сквозь заснеженные пики гор. Глядя на эти безумно красивые вершины, можно бы-

ло ощутить мороз до самых кончиков пальцев. Но окруженная со всех сторон Гималаями Шамбала сияла на солнце хрустальными бликами домов и мостов, сохраняя вокруг себя неизменно теплую погоду. Благодаря вечному лету здесь росли всевозможные растения, деревья и сельскохозяйственные культуры. На зеленых пастбищах паслись тысячи горных животных и не меньшее количество одомашненных. Бурлящие водопады превращались в реки, которые в свою очередь плавно перетекали в голубые озера. Возле одного из таких озер, на ковре из луговых трав вперемежку с пахучей лавандой расположилась на пикник Анна со своей семьёй.

«Неудивительно, что я с детства обожаю, запах этого фиолетового цветка – он прямо символ рода, символ удивительной Шамбалы», – думала Энн, разглядывая веточку лаванды, сидя при этом на подстилке. Украдкой она посматривала на Джека, который вместе с её бабушкой пытался распалить костёр, чтобы жарить шашлык. Они уже полностью были укутаны дымом, и отчаянно махали большими плоскими тарелками, чтобы создать тягу. Ветреная погода была редкостью для Шамбалы.

Ее старшая сестра Ольга, вместе со своим женихом, болтали о чем-то милом на берегу, опустив босые ноги в озерную воду.

Таня и Маша бегали по полю следом за огромным сенбернаром и его палкой.

Мама спускалась от дома вниз по лужайке, держа в руках огромное блюдо с пирожками.

А она вот так просто сидела и наслаждалась моментом. Семья рядом. Пускай все они выглядели младше, чем она сама, но Анна все-же снова привыкла к тому, что не одинока в этом мире. А еще теперь у неё есть Джек. В отличие от её семьи, они с мужем решили, что будут жить во Внешнем мире, но никто не смог бы запретить им гостить здесь, в Шамбале столько, сколько они сами того захотят.

Костер, наконец, разгорелся, и семья собралась вместе, чтобы потрапезничать и поболтать обо всем. Не хватало лишь отца, он был на собрании Внутреннего круга.

– Когда вы планируете пожениться? – спросила Анна у старшей сестры.

Ольга с нежностью во взгляде, посмотрела на своего жениха, который являлся одним из ведущих ученых в городе.

– Хоть времени у нас более, чем достаточно, – ответил вместо девушки жених, сжимая и поглаживая при этом её руку, – но как можно быстрее!

– Понимаю, – игриво протянул Джек, глядя на Анну.

Девушка покраснела под его взглядом, осознав, что он имеет в виду.

– Дедуля, угощайся, – сказала Маша, протягивая Николаю I мамин пирожок. Тот, поблагодарив внучку, принял из её рук угощение. В этот момент сенбернар Маши подкрался сзади девушки и стащил из общего блюда воздушное лаком-

СТВО.

– Вот жулик! – воскликнула она. Все засмеялись, а пёс закрыл мохнатой лапой своё лицо, будто бы извиняясь.

– Я просто обязана это сфотографировать! – воскликнула Анна, немедленно достав маленькую цифровую камеру и сделав несколько снимков.

Когда ей в первый раз показали, что фотоаппарат может работать без фотоплёнки, да ещё и иметь столь миниатюрный размер – она растерялась. Но теперь, она не представляла жизни без него! Да, технологии Шамбалы намного опережали те, что были во Внешнем мире.

– Никак не привыкну к тому, что снимки цветные, да еще их можно сразу посмотреть, – заметил Джек, наклонившись к жене, и заглядывая на изображения в её камере.

– Отец идет! – заметила Таня.

Все обратили свой взгляд в сторону холма, с которого спускался царь. Его ноги, обутые в сандалии, наподобие древнегреческих, тонули в высокой зеленой траве. Стоит отметить, что многие люди из Внутреннего круга одевались в белые туники и сандалии. Остальные же носили сшитые бу- танцами вещи, настолько удобные, что во многом опережали моду Внешнего мира тридцатых годов. Вот Джек и Анна полюбили джинсовые брюки и майки, вроде тех, что носили боксеры на ринге. При этом неизменным предметом гардероба девушки были различные шляпы. Её дед, так же как и отец носил туники, а мать и сестры любили хлопчатые пла-

тъя, которые спереди были короче, чем сзади и оголяли их стройные щиколотки и ноги чуть ниже колен.

Николай подошел к жене, и, наклонившись, поцеловал её в щеку.

– Здравствуй, папа,– затараторили наперебой дочери царя.

Он кивнул, обводя взглядом семью, и присел на подстилку рядом с Александрой.

– Что говорят во Внутреннем круге, когда нам с Анной отправляться на задание?– спросил Джек у тестя.

– Нужно немного обождать, по этому поводу толком ничего неизвестно,– ответил бывший император. В это время жена намазывала для него на булочку сливочное масло. А его отец Николай I, налил всем бутанского вина.

– Давайте не будем о делах,– заметил он. – А поднимем бокалы за то, что семья собралась здесь и сейчас.

Насладившись прекрасным вином, Николай II все же продолжил говорить на серьезные темы:

– Анна, тебе необходимо обратиться за помощью к твоему старому знакомому Кендриксону. Как говорят наши агенты – он может догадываться, где находится корона.

– Но, отец, – заметила девушка,– он считает, что я погибла, выполняя задание для МИ-6!

– Что ж, придется рассказать ему часть правды, чтобы он поделился с тобой информацией, которой владеет. Тебя он знает, больше он никому не доверится.

– И как же я воскресну?! – воскликнула дочь, при этом

шляпа на её голове подпрыгнула. – Для него это станет настоящим шоком!

– Мы придумаем тебе легенду, не волнуйся, – спокойно ответил отец. – Время есть. Чтобы все хорошо изучить, проверить и подготовить, нам понадобится не меньше полугода. К тому же, дитя моё, ты же не хочешь пропустить свадьбу своей сестры?

– Ни за что на свете! – оживилась девушка, подмигнув при этом Ольге и её жениху.

– Что насчет сапфира и бриллианта «Орлов»? – поинтересовался Джек у императора. – Ученые провели анализ?

– Да, – ответил Николай и выждал паузу, наслаждаясь ожиданием со стороны всех присутствующих. – Они подлинные! Все выдохнули с облегчением.

– Еще раз, благодарю вас, дети мои, за помощь, – кивнул царь Джеку с Анной. – Вы уверены, что хотите оставаться агентами во Внешнем мире? – добавил он. – Вы будете продолжать стариться быстрее, чем мы.

Муж и жена переглянулись и оба подумали об одном и том же.

– Мы не представляем свою жизнь без приключений и путешествий, отец! – воскликнула девушка. – Мы понимаем, что здесь царит порядок и идиллия, но знать, что такое «звездная дорога» и быть запертыми в одном, пусть и прекрасном городе – это не для нас.

– К тому же мы всегда сможем вернуться сюда уже ста-

ренькими, и пожить подольше в своё удовольствие,— добавил Джек.

Николай II рассмеялся.

— А как там дела у Вивьен? — спросила у мужа Александра.

— Прекрасно, — ответил царь, улыбаясь и жуя булку. — Благодаря нашим ученым она не только научилась летать, но и осваивает потихоньку телекинез!

— Да-да, — подтвердил жених Ольги. — Я сам видел, как она смогла взглядом перенести блох с козы, на рубашку моего друга ученого, который её сильно нервировал! Вот смеху-то было, когда он стал прыгать и чесаться, не понимая, в чем же дело! Позже она призналась мне, что сделала это, чтобы проучить его. Тот видимо сильно на неё давил!

— Бестия — а не девчонка,— заметил Джек.

— Зато с хорошей наследственностью,— ответил Николай II.

Бутан — королевство, о котором и по сей день мало, что известно. Оно затерялось где-то в Гималаях между Тибетом и Индией. Сами жители называют его Королевством Громого Дракона, а себя — дракпасами. Дракпасы испокон веков хранят тайну о Шамбале, находящейся в самом сердце Бутана. Часто бутанцы посещают Шамбалу. Шамбалийцы делятся с ними своими знаниями, новейшими технологиями, электричеством, а дракпасы в свою очередь обеспечивают город своей текстильной продукцией, винами, продуктами питания и многим другим. Самым главным хранителем в

Бутане является король Джигме. Он же король-дракон. Он, как и жители Шамбалы умеет пользоваться лей-линиями, и с лёгкостью перемещаться в пространстве. Старшая дочь короля-дракона – Вивьен, унаследовала эту способность. Увидев её возможности, а также жажду к знаниям, девочку стали обучать волшебству, как бы сказали во Внешнем мире, или науке, как сказали бы жители Шамбалы.

Такие разные люди, таких разных эпох, сидели на берегу озера и были единым целым. Джек, одесский еврей, дожаривал мясо и обменивался любезностями с бывшими российскими царями. Жених Ольги, двухсотлетний ученый, показывал своей невесте, её маме и сестрам, как ловить рыбу. Анна, все-время поправляя шляпку, от невесты откуда, взявшегося теплого ветра, и фотографировала этих людей, свою семью.

Глава 2.

**Лондон. Великобритания. Штаб-квартира МИ-6.
Осень 1934 год.**

Капитан королевского флота в отставке Джордж Смит Саллинг сидел в своем кабинете в компании бессменного помощника Голиафа Кендриксона. Тот, в свою очередь, пользуясь авторитетом у начальника, вальяжно развалился в гостевом кресле и попивал собственноручно приготовленный коктейль «сухой мартини».

– Мой Бог, Кендриксон, ещё даже одиннадцати нет, а ты

уже выпиваешь,— заметил шеф, отрывая взгляд от кучи бумаг на столе.

— Нужно успеть напиться, пока не настала очередная война,— заметил помощник, доставая из полупустого бокала оливку и бережно кладя её в рот.

— Что ж, не желаю знать, что творится в твоей башке,— Саллинг хмыкнул. — Радует, что ты хотя бы усы сбрил, теперь смотришься моложе и серьёзней!

— Вы прекрасно знаете причину, по которой я это сделал. Я всё ещё горюю за милой мисс Уилсон,— ответил Кендрик-сон, опустошив бокал и направившись к мини-бару шефа за очередной порцией вермута.

Стоит отметить, что Голиаф Кендриксон питал отцовские чувства по отношению к молодому агенту МИ-6 — Энн Уилсон. Известия о её гибели оставили на душе у этого рыжего и пухлого человечка неизгладимое чувство вины. Поэтому он, много лет, отпускаявший свои отвратительные огромные усы, сбрил их в одночасье, поклявшись, никогда их больше не отпускать в память о своей протее.

В это время секретарь Джорджа Смита объявила по коммутатору, что к нему посетитель.

— Пусть войдет,— ответил в динамик начальник.

Через минуту дверь открылась, и на пороге кабинета появился писатель Рафаэль Сабатини. Черный строгий костюм, как всегда безукоризненно выглажен, пронизывающие, удивительно синие глаза на смуглом и уже немолодом

лице, взгляд, и правильной формы нос, который гармонировал с изогнутой и решительной складкой его губ. Не узнать автора «Одиссеи капитана Блада» было невозможно.

– Вы только посмотрите, кого кошки намыли! – просто-душно воскликнул Кендриксон, усаживаясь назад в гостевое кресло, из-за чего писатель неловко топтался у двери. – По какому поводу? Насколько я знаю, нам сегодня не требовался переводчик.

Смит Саллинг, не обращая внимания на помощника, вышел из-за стола и подошел к господину Сабатини, поприветствовав его рукопожатием.

– Прошу, присаживайтесь, – он указал на стул рядом со своим. – Я ждал вас ещё вчера.

– Прошу прощения, мистер Саллинг, у меня были неотложные семейные дела, – извинился Сабатини.

Кендриксон вытянул шею в ожидании продолжения, что за семейные дела были у писателя, однако продолжения не последовало, и Сабатини просто молчал, высоко вскинув левой подбородок, в ожидании того, что скажет ему Джордж Смит.

– У меня для вас задание, – приступил сразу к делу начальник британской спецслужбы. – Сэр Роберт Чизгрэм, восьмой герцог Баллингворт, граф Ворнби, член Тайного совета и кабинета министров бесследно исчез три дня назад. Мы подозреваем его в...

Со стороны гостевого кресла послышался хруст. Это

Кендриксон тщательно пережёвывал лёд из коктейля.

– Кендриксон, – прорычал Саллинг и хлопнул ладонью по столу. – Прекрати это делать, немедленно!

– Прошу прощения, сэр, – ответил помощник, и, громко проглотив замороженную воду, уставился на начальника.

– Так вот... о чем я говорил? – не сразу вспомнил Саллинг. – Ах, да! Сэр Роберт Чизгрэм пропал три дня назад. Он покинул свое поместье в сопровождении водителя и секретаря. Но в Лондон они так и не прибыли.

– Почему этим делом не занимается Скотланд-Ярд? – спросил, недоумевая Рафаэль Сабатини.

– Понимаете, дело весьма щекотливое, – осторожно пояснял Саллинг, теребя бумажки на столе. – Сэр Роберт Чизгрэм, с недавних пор известен расточительством и пристрастием к карточным играм, мы подозреваем его в связи с германской разведкой. Нужно все сделать тихо и без ненужной огласки.

– Понятно, – ответил писатель. – Что требуется от меня?

– Как доложила разведка, доверенный помощник сэра Чизгрэма был замечен в неоднократных визитах в замок Гваннертор...

– Тот самый замок с отвратительной репутацией, сэр?! – подал голос Кендриксон, перебивая начальника. Как бывший военный, обладающей военной выправкой и привыкший следовать уставу, Смит Саллинг потерял терпение. В конце озверев, он схватил со стола массивную чернильницу и

бросил её в помощника. Та угодила ему прямо в круглый выпирающий живот, обтянутый клетчатый жилетом, отпрыгнула от него, словно мячик, и оказалась на полу, забрызгивая всё вокруг чернилами.

– Прекрати меня перебивать! – перешел с официального тона на рёв начальник.

– Требую компенсацию в размере семи фунтов, на химчистку моего жилета, – простодушно заметил Кендриксон, оглядывая место поражения чернилами.

Смит Саллинг возвёл руки к потолку, в душе прося у Всевышнего помощи, вытерпеть своего пусть и гениального, на недалёкого помощника.

Рафаэль Сабатини, спокойно наблюдал за происходящим в кабинете. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он был человеком настолько невозмутимым от природы, словно родился британским аристократом. Хотя англичанином он был лишь наполовину, благородных, но не обладавших большой семейной родословной кровей.

– Ты всё прекрасно знаешь и о замке, и о помощнике сэра Чизгрема, и о пропавшей короне, – перечислял Смит Саллинг, понемногу успокаиваясь, обращаясь к Кендриксону. – Или выйди вон, из кабинета, или – сиди, молча! – сказал, как отрезал шеф.

– Пойду, налью себе еще выпить, – бросил, вставая с кресла Кендриксон, и не обращая никакого внимания на пятно на полу, переступил через чернильницу.

Саллинг хлопнул ладонью по столу, а писатель решил вмешаться:

– Простите, сэр, но о какой короне идет речь?

– Корона – это дело второстепенное, – вздохнул и перевёл взгляд на господина Сабатини начальник разведки. – Ваша задача отыскать, не привлекая к себе внимания, сэра Чизгрэма. Как я уже говорил, мы подозреваем его в связи с германской разведкой. Все пути ведут в Гваннертор. Этот шотландский замок давно был использован арендатором в качестве гостиницы, но в последнее время там очень мало постояльцев из-за печальной репутации замка.

– Что вы имеете в виду? – переспросил писатель.

– Поговаривают, что в гостинице обитают призраки, – спокойно ответил Саллинг.

– Призрак дамы в белом, ууууу.... – завыл Кендриксон, потягивая сухой мартини.

В этот раз, не обратив на помощника никакого внимания, Смит Саллинг продолжил:

– Это по вашей части, господин Сабатини. Я в существование духов не верю. Мое дело, подтвердить: связан сэр Чизгрэм и его помощник с этим замком, или нет.

– Когда необходимо приступить? – невозмутимо спросил Рафаэль Сабатини.

– Немедленно, – отчеканил начальник спецслужбы, вставая из-за стола и протягивая писателю руку, давая понять о том, что аудиенция закончена. – Можете взять с собой Кенд-

риксона. Он очень хороший аналитик, а вы как человек творческий можете что-то важное упустить.

— Я думаю — это лишнее,— Сабатини взглянул на захмелевшего помощника, развалившегося в кресле с зияющим пятном от чернил на жилете. — Постараюсь оправдать возложенные на меня надежды.

Выполненный в тюдоровском стиле, готический замок Гваннертор притягивал взгляд и одновременно имел вид места, довольно зловещего. Серые башни и высокие дымовые трубы, нуждающиеся в ремонте, хранили многовековую историю поместья. Экипаж Рафаэля Сабатини проехал к центральному входу по изрядно запущенной, заросшей сорняком и сухой травой подъездной аллее. Старые покореженные деревья, покрытые мхом из-за влажного климата Шотландии, угрюмо нависали над крышей замка, не пропуская солнечный свет своими раскидистыми кронами. Даже будучи человеком, не страшась спиритуализма, по телу писателя невольно пробежал озноб.

— Господин Сабатини, позвольте вашу сумку,— весело протараторил Кендриксон, махнув рукой, чтобы отпустить экипаж.

Как не отнекивался писатель, руководство МИ-6 прикрепило к нему Голиафа, выполнявшего роль его слуги. Сейчас он был этому очень рад, поскольку поместье оказалось до-

вольно жутким, а наличие придурковатого спутника успокаивало. Да и для самого Кендриксона это путешествие было словно глоток свежего воздуха, после нескольких лет проведенных взаперти в промозглом Лондоне.

Несмотря на то, что Гваннертор считался гостиницей, дверь перед ними никто не открыл.

Оказавшись внутри просторного, но обветшалого холла, спутники заметили человека в углу, на ресепшене.

Сказать, что этот человек выглядел довольно мрачно – это не сказать ничего. Он был маленьким, лысым, с лицом похожим на совиное. Острый нос напоминал клюв ночной птицы, а глубоко посаженные черные глаза, с нависшими над ними кустистыми бровями, с интересом уставились на посетителей. Щуплое, искореженное артритом тельце было облачено в серый костюм времен эпохи регентства,⁹ (9– *Эпоха регентства в Англии 1811-1830гг.*) из-под фрака выглядывал небрежно повязанный белый шейный платок.

– Добро пожаловать в Гваннертор,– сказал человек без единой эмоции на странном лице. – Меня зовут мистер Грюсом¹⁰ (*10-Gruesome – с англ. отвратительный, ужасный*).

– Почему-то я не удивлён,– откашлявшись в кулак и вплотную придвинувшись к Сабатини, заметил Кендриксон.

– Меня зовут Рафаэль Сабатини,– представился писатель. – Я бы хотел снять номер для себя и своего слуги в вашей гостинице на пару дней.

Один мускул на лице мистера Грюсома дрогнул, выдавая

в нем любопытство.

– Вы, сэр – известный писатель. Что привело вас в шотландскую провинцию?

– Работа над новым романом, естественно, – скучающим тоном ответил Сабатини. – Об этом месте ходят легенды. Они и заставили меня приехать сюда и проникнуться тайной замка в поисках вдохновения.

– Это уж точно – легенды, – вздохнув, ответил мистер Грюсом. – Из-за печальной славы замка, у него стали слишком часто меняться арендаторы. Возможно, скоро придётся полностью свернуть гостиничный бизнес. Денег на уплату налогов совершенно не хватает. За последний месяц в замке не было ни одного проживающего. Все боятся призрака «дамы в белом». А сегодня, на удивление, вы уже второй постоялец.

– Позвольте поинтересоваться, а кто первый? Кто будет гостить в доме рядом со мной? Я просто переживаю, чтобы это не оказались вездесущие репортеры, вечно сующие нос в мою личную жизнь, – сказал писатель и подмигнул человеку на ресепшене.

– О, нет, я не думаю, что это репортёр. Это молодая дама, с собакой. Она – оценщик. Каталогизирует замки Шотландии. Возможно, после её работы и Гваннертор удачно «пойдёт с молотка», – все так же бесстрастно ответил управляющий.

– Понятно. Что ж это радует. Я бы хотел просторный номер с большими окнами и смежной комнатой для моего слуги, – вернулся к делу Сабатини.

– Думаю, номер 205 вам подойдет,— ответил мистер Грюсом и принялся записывать данные в гостиничную книгу. — Что ж, номер на двое суток. С вас двести шестьдесят фунтов и двадцать пенсов, пожалуйста.

Кендриксон, уже успевший развалиться на сумке Сабатини, громко присвистнул.

– Довольно крупная сумма,— заметил писатель.

– Что ж, мы терпим убытки и зарабатываем на спросе и предложении, как можем,— ответил мистер Грюсом, и, на совином лице появилось нечто похожее на улыбку. — К тому же завтрак и ленч включены в стоимость. А двадцать пенсов — мои чаевые, если позволите.

Сабатини молча расплатился, про себя подумав, что в МИ-6 удивятся подобным расходам и решат, что он, как известная личность, захотел провести операцию с роскошью, к которой привык.

– Следуйте за мной, я вас проведу к вашему номеру, — сказал мистер Грюсом, пряча деньги в нагрудный карман и выходя из-за стойки ресепшена.

Он поднимался по ступеням, застеленным некогда дорогим ковром, прихрамывая. Было видно, что каждое движение тела, пораженного артритом, давалось ему с трудом.

– Почему у вас в гостинице нет ни портье, ни носильщика,— поинтересовался Сабатини у Грюсома, поднимаясь следом за ним.

Кендриксон нёс вверх тяжелую сумку писателя, пыхтя и

прихрюкивая от собственной неповоротливости, и был огорчен этим фактом как никто другой.

– Все с тех же соображений экономии. Радует, что осталась горничная, она же кухарка, – ответил управляющий.

Некогда светлая галерея с большими окнами, украшенными витражами, сейчас нагоняла тоску. Окна были заколочены, витражи не чищенными. Царил полумрак, освещаемый лишь лампадками, висящими на стенах, многие из которых моргали, оповещая о том, что скоро перегорят. Атмосфера царила нагнетающая.

Но номер оказался на удивление светлым – с большим закругленным вверху окном. Лишь призрачные деревья затейливыми ветвями царапали по стеклу от усиливающегося к вечеру ветра. В номере была большая кровать с балдахином, журнальный столик, диван с повидавшим виды напольным бра. В углу находился камин, как и полагалось шотландскому замку.

– Если хотите – я разожгу камин за двадцать пенсов, – предложил Грюсом.

– Спасибо, не стоит, – ответил писатель и бросил в сторону покрывшегося потом от подъема по лестнице с тяжелой сумкой в руках Кендриксона, насмешливый взгляд синих глаз, – Этим займется мой помощник.

– Как пожелаете. Ленч будет подан в столовой внизу через час, – ответил управляющий и удалился, прикрыв за собой дверь.

– Даже не мечтайте об этом! – воскликнул Кендриксон, как только дверь за мистером Грюсомом закрылась. – Я не стану прислуживать вам, когда никто не видит!

– Кажется ты шотландец по-национальности,– заметил Сабатини, осматривая комнату.

Кендриксон утвердительно пробурчал в ответ.

– Так тебе ли не знать,– продолжил писатель, осторожно проводя рукой по обоям рядом с камином, – что и у стен есть «уши».

На этот аргумент у агента МИ-6, бойкого на язык, не нашлось других слов как сказать:

– Пожалуй, разожгу камин.

Когда через час Сабатини в сопровождении Кендриксона спустился в столовую, по размерам больше напоминающую зал для торжеств, за одним из столиков в углу, около камина, сидела молодая женщина в полном одиночестве.

Светлые волосы девушки волнообразно обрамляли лицо с красиво очерченными скулами. Кожа была смуглой, то ли от природы, то ли от загара, что не свойственно для британской леди, отметил про себя писатель. Аккуратный носик украшали веснушки, а глаза цвета орешника прекрасно гармонировали с цветом кожи, но не с её белыми кудрями. Необычная красота. Нестандартный женский портрет завершала её одежда: рубашка, наподобие мужской, белые шорты и высокие гольфы. Она смотрела своими большими карими глаза-

ми прямо перед собой, и в то же время, казалось, что мыслями она где-то далеко.

– Омрай макес.¹¹ (*11 – Awright muckers – шотландское приветствие*) Ленш сегодня – фиш-энд-чайпс¹² (*12 Fish&chips – рыба и картофель-фри*) и яйца по-шотландски, – раздался голос с местным акцентом, невесть откуда, взявшейся кухарки. Женщина была сухопарой, с редкими седыми волосами, собранными в пучок, и глазами, глядящими в разные стороны. Кендриксон даже подпрыгнул от неожиданности:

– Что она сказала, черт побери?!

– Кажется, огласила меню, – не потерял самообладания Сабатини.

– Я спрошу у леди, нужна ли ей компания, если да – подайте блюда за её столик, если нет – накройте соседний, – распорядился он, стараясь не смотреть на кривоватую шотландку.

Та кивнула, и сказала что-то вроде окая.

– Я, конечно, извиняюсь, но либо я – не шотландец вовсе, либо сказались годы, прожитые в Лондоне, – семена за Сабатини, бормотал Кендриксон. – Ни слова не разобрал из того, что она сказала.

– Добрый вечер, мисс, – поприветствовал незнакомку за столиком писатель. – Меня зовут Рафаэль Сабатини, а это, – он указал на помощника, – мой слуга – Толстяк.

Кендриксона совсем не удивило его новое прозвище. Он

ожидал чего-то подобного от Сабатини.

Девушка, лишь улыбнулась уголком рта и стала пристально разглядывать двух мужчин перед собой. Конечно, Изабель узнала знаменитого автора. А вот его слуга, вполне мог стать прототипом одного из его комичных персонажей.

– Позвольте нам присесть за ваш столик и скрасить ваше одиночество? – продолжал писатель.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – ответила Изабель после некоторой паузы.

Сабатини понял, что она хорошо воспитана, раз не задает вопросов по поводу того, что слуга собирается отужинать за одним столом со своим нанимателем.

– Я – Сильвия Росси, – представилась именем матери девушка.

– О, так вы моя землячка! – воскликнул Сабатини. – Буэно сэра, – перешел он на итальянский язык. – Что такая милая девушка делает в подобной дыре?

– Я бы не назвала это место – дырой, синьор, – перешла на язык, которым владела в совершенстве Изабель. – Это прекрасный шотландский замок. Шедевр конца пятнадцатого века. Я работаю на английскую компанию «Стоун энд бразерс», каталогизирую замки. Гваннертор – не первая моя работа.

Впервые Рафаэлю Сабатини не нашлось, что ответить.

– Если пожелаете, я покажу вам уже готовые каталоги, – продолжила говорить Изабель уже по-английски, при этом

по-особенному выпятила губки. Этим жестом она тотчас покорила Кендриксона.

– С удовольствием посмотрю, – честно ответил писатель.

Кухарка принесла блюда для джентльменов, и столовую заполнил запах жареной рыбы.

– С удовольствием вам покажу, – добавила Изабель, как только шотландка удалилась.

Кендриксон не раздумывая ни секунды, принялся за еду. Рафаэль Сабатини потерял аппетит.

– Позвольте спросить, господин Сабатини, – продолжила Изабель, – а что вас привело сюда?

– Работа над новым романом, мисс Росси, – ответил писатель, ковыряя вилкой рыбную котлету.

– Я так понимаю, что на «Скарамуччо» (она по-итальянски назвала роман автора – «Скарамуш») – это не будет похоже, – рассмеялась девушка.

– Вы первая, кто вспомнил именно об этом моём романе! – воскликнул Сабатини. – Я уж думал, что навсегда буду заклеямен, как автор «Одиссеи».

– Я была на премьере оперы Дариуса Мийо – «Бедный матрос». Сюита «Скарамуш» навсегда завоевала моё сердце. Вот это поистине великое произведение! А о вас я узнала гораздо позднее, – Изабель продолжила ставить писателя «на место». И снова этот жест губками.

– Вы напоминаете мне одну мою хорошую знакомую, – заметил Кендриксон, жуя картошку.

Изабель понравился известный писатель, особенно его глаза – такие синие, как море. Понравился и его смешной помощник, облаченный в черный и белую продольную полоску костюм-тройку. Но эти двое могли помешать её планам, поэтому ей пришлось разговаривать с ними, немного грубее, чем ей хотелось бы, чтобы оттолкнуть.

– Мне кажется, вы имеете в виду нашу общую знакомую, мой монохромный друг, – обратился Сабатини к помощнику. Одной фразой намекнув, что Сильвия Росси манерой общения напоминает Энн Уилсон, и в присущей писателю форме, высмеял полосатый костюм Кендриксона.

Мисс Росси не смогла сдержать улыбку.

– Если позволите, я отлучусь ненадолго, – сказала она. – Схожу за каталогами.

– Но вы не доели свой ленч! – воскликнул Кендриксон. – Могу вам с этим помочь, – тут же добавил он.

– Спасибо, мистер... хм, Толстяк, – замялась девушка. – Но я доем его в своем номере, – и она, забрав тарелку, с почти нетронутым ужином, удалилась к себе, на ходу заполняя комнату запахом своих свежих духов.

– Милая особа, – заметил Кендриксон, когда Изабель ушла. – Странная, но милая.

– В этой гостинице все очень странные, – добавил писатель.

Глава 3.

Сумерки очень быстро накрыли замок Гваннертор и его

обитателей. Рафаэль Сабатини сидел на диване в своем номере и смотрел, как потрескивают поленья в камине. За стеной мирно похрапывал Кендриксон. Каталоги мисс Росси писателю понравились, но казалось, что сама девушка делает все для того, чтобы как можно меньше рассказывать о себе. Да и вообще, она хотела произвести отталкивающее впечатление. Но Сабатини было не так легко провести. Он понимал, что мисс Росси, что-то скрывает.

В отличие от Кендриксона, писатель не собирался спать. Не за этим он здесь. Сабатини решил дождаться полуночи, чтобы исследовать замок.

Через какое-то время он услышал звук приближающегося экипажа. Только звук этот исходил не со стороны подъездной аллеи, куда выходили окна его номера, а со стороны внутреннего двора. Сначала он подумал, что сон пытается им овладеть и звук ему просто почудился, но стремглав бросившись в комнату, в которой спал помощник, он выглянул в окно. Краем глаза, он заметил черный экипаж без огней, который быстро растворился в воздухе, или точнее, где-то в стенах замка. Кендриксон продолжал похрапывать во сне, и писатель даже протёр глаза, проверяя, все ли в порядке с его зрением. Но вдруг, произошло то, что разбудило даже помощника.

Вой! Ужасный, леденящий душу собачий, или скорее волчий вой! Он разносился по замку, отталкивался о каменные стены и усиливался. Холодный озноб пронёсся по спине пи-

сателя. Добавляла ужаса, картина за окном: искореженные деревья царапали ветками по стеклу, от сильного ветра, который свистя вместе с лаем, проникал внутрь сквозь каминную трубу. Светила полная луна.

Даже Кендриксон подпрыгнул на кровати, от этого злоеющего воя. На нём была маска для сна, которую он сорвал с себя резким движением пухлой руки. Увидев писателя рядом со своей кроватью, он удивился, и часто моргая, уставился на него. Сабатини, в свою очередь, рассмотрев помощника, немного расслабился. На голове Кендриксона красовался белый ночной колпак, украшенный сверху большим помпоном.

– Что это за звук?! – прокричал помощник. При этом трясся головой так, что помпон подпрыгивал в разные стороны.

– Если бы я знал, – ответил писатель, стараясь сохранить самообладание. Он еще ни разу в жизни не испытывал два таких разных чувства одновременно: страха и смеха.

– Что это на тебе надето? – добавил он, во все глаза, уставившись на Кендриксона.

– Что вы имеете в виду? – спросил тот, и, нащупав колпак, продолжил: – Ах, это... Замки такие холодные и старые. Я боюсь простудить уши и подхватить блох.

Как только он это проговорил, ночник на его прикроватной тумбочке погас. Комнату освещал лишь полный лунный диск, сквозь высокое окно замка.

– Что за черт?! – воскликнул писатель, и пошел к смежной, со своим номером, двери. Помощник, кряхтя, вылез из своей кровати и отправился следом.

– У меня есть фонарик, – говорил Сабатини, откуда-то из глубины комнаты. Из-за отсутствия освещения, он практически растворился в полумраке. Камин потух от сильного ветра.

Страшный лай повторился, и компаньоны замерли, кто – где стоял, боясь пошевелиться. Кендриксон даже икнул от страха.

Вдруг Сабатини, зажег свой фонарь, но лучше от этого не стало. Свет от фонарика успел выхватить из тьмы не только пухлую фигуру помощника, облаченного в ночной колпак и белую мужскую ночную рубашку, с оборочками, но и диван с напольным бра. А напольное бра – вело себя довольно странно. Оно медленно перемещалось по комнате, само по себе, в сторону потухшего камина. Мужчины не сговариваясь, перекрестились и наперегонки выбежали в холл. Пробежав несколько метров, они сбили кого-то маленького и выронили фонарь. Как только Сабатини отряхнулся и поднял фонарик, он увидел стройную фигурку мисс Росси. Писатель помог девушке встать, а Кендриксон запутавшись в своей рубашке, выкарабкивался сам. В руках у Изабель тоже был фонарик и еще какой-то маленький предмет. Она посветила во круг себя и смогла рассмотреть писателя одетого во все черное, и его слугу, который к тому моменту уже успел поднять-

ся на ноги.

– Господин Сабатини, хм... Толстяк,– она как-то странно взглянула на Кендриксона, удивленная не меньше писателя его комичным внешним видом. – Что вы здесь делаете?

– Вероятно, то же самое, что и вы, мисс Росси,– ответил Сабатини. – Испуганные волчьим воем и отсутствием освещения, решили покинуть свой номер.

– Это не...,– начала было Изабель, но вовремя запнулась. Она поняла, что на страхе писателя можно сыграть и, отвадить его, вместе со слугой, подальше от этого дома. Поблагодарив саму себя за сообразительность и за некоторые предметы, которые она успела прихватить с собой, она спокойно отчеканила: – Возможно – это призрак.

Удивленные спокойствием Изабель, мужчины уставились друг на друга. Они не могли похвастаться подобным самообладанием в данный момент.

– Вы хотите сказать, что призрак замка Гваннертор реален? – осторожно спросил Сабатини.

– Реален? Пожалуй, не совсем то, что характеризует бестелесную оболочку. Но если хотите, вы можете вместе со мной это проверить,– все так же спокойно, предложила девушка.

– Что ж – это, пожалуй, лучше, чем оставаться без света в комнате, сдвигающимся бра,– заметил Кендриксон.

– Что вы сказали? – переспросила Изабель, всматриваясь в упитанного слугу, облаченного в ночную сорочку.

– Я сказал, что в нашем номере двигаются предметы,– по-

вторил Кендриксон.

– А в каком вы номере? – осторожно поинтересовалась Изабель.

– В двести пятом.

От внимания Сабатини не ускользнуло странное поведение мисс Росси и её заинтересованность их с Кендриксоном комнатой.

Изабель двигалась вглубь замка, а писатель с помощником шли следом. Все они напряженно молчали. Неприятный звук исходил лишь от завывающего ветра и старых ступенек, по которым они стали спускаться вниз, туда, где у замка, по всей видимости, имелся цокольный этаж.

– А где же мистер Грюсом и кухарка? – бормотал писатель.

– Кухарка живёт в поселке, а мистер Грюсом, вероятно уже привык к странностям в доме, – заметила Изабель, исследуя взглядом, насколько позволяли фонарики, пространство вокруг себя.

– Он такой же жуткий, как и этот особняк, – заметил Кендриксон, наступая мягкими тапочками из овчины на скрипучую лестницу.

– Первым моим желанием было подарить ему расческу, – сказала девушка.

– Но, позвольте, мисс Сильвия, он же лысый!

– Не для волос, а для его кустистой моноврови, – вероятно, девушка улыбнулась, хотя в темноте этого не разглядишь.

– Я хочу вас обнять, – признался Кендриксон, пытаясь по-

давить смешок.

Но вскоре ему стало не до смеха. Маленький предмет в левой руке у Изабель ожил, заморгал красными лампочками и издал неприятный электронный звук.

– Что это?! – воскликнул Рафаэль Сабатини.

– Господин писатель – вы меня удивляете, – ответила де-вушка. – Насколько мне известно, вы являетесь мистиком и спиритуалистом! Вы должны знать, что это за предмет.

Она протянула мигающее красными огоньками устройство господину Сабатини.

– Это – счетчик ЭМП, – писатель смотрел на предмет, оповещающий о присутствии где-то совсем рядом потусторонней энергии.

– Все верно – это счетчик электромагнитного поля, – подтвердила догадку писателя Изабель. – Понимаете, по долгу службы, я не в первый раз сталкиваюсь с паранормальными явлениями в шотландских замках.

Кендриксон громко охнул.

– И что обозначают мигающие огоньки? – замогильным голосом проговорил он.

– Что где-то совсем рядом может быть дух.

– У меня мороз по коже от этого дома, – сказал побледневший помощник.

Они оказалась в холле, уровнем чуть ниже первого этажа. Сквозь стены просачивался какой-то странный звук, будто лязг металлических цепей, какими в средневековые сковы-

вали узников. Внезапно, висящие на стенах лампы замигали и снова потухли. Счетчик ЭМП сходил с ума и пронзительно визжал. А в конце арочного длинного коридора появилась светлая женская фигура. Она медленно приближалась, будто плыла по воздуху.

– Призрак «дамы в белом»! – взвыл Кендриксон, и, обняв Сабатини за плечи, повис на не менее испуганном писателе.

Привидение приближалось, и о каменные стены замка, эхом отдавался завывающий женский плач.

Пытаясь отделать от толстяка, Рафаэль попятился прочь из этого холла. Но помощник плотно уцепился за Сабатини.

– Мисс Росси, бежим отсюда! – только и успел крикнуть писатель, пока Кендриксон, не закрыл пухлыми ладонями его лицо. При этом Сабатини чуть не выронил свой фонарь, а помощник орал от страха, словно самка орангутанга в брачный период.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.